

А.Х. БОРОВ

Политизированная этничность: “черкесский вопрос” – еще один очаг напряженности на Северном Кавказе?

В статье на примере актуализации “черкесского вопроса” анализируется политический феномен современной России – трансформация сложной этносоциальной проблемы в предконфликтную ситуацию. Осуществлен сравнительный анализ исторических реалий, в которых политический статус Черкесии и/или черкесов оспаривался соперничающими акторами. Современное состояние и перспективы политизации черкесского национального движения оцениваются в контексте процессов глобализации и демократизации.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Черкесия, черкесский вопрос, политизированная этничность, этническая конфликтность.

The paper examines “Circassian question” as an example of the modern Russia political phenomenon: transformation of the complex ethno-social problems in the pre-conflict situation. The article also contains a comparative analysis of historical realities in which the political status of Circassia and / or Circassians is contested by rivaling actors. The current state of “Circassian question” and its prospects are assessed in the context globalization and democratization process.

Keywords: North Caucasus, Circassia, circassian question, politicized ethnicity, ethnic conflicts.

Выдвижение на первый план кризисных и конфликтных элементов ситуации на Северном Кавказе стало устойчивой чертой общественно-научного дискурса последних двух десятилетий. Сложившиеся в нем “образы” региона в значительной степени определяют углы зрения, под которыми исследователи рассматривают картину прошлого данной территории и современное ее положение. Наиболее общая характеристика позиции Северного Кавказа в общественном дискурсе России – явное несоответствие его периферийного места на политико-экономической карте страны уровню озабоченности, проявляемого к этой территории российским социумом (см. [Боров, Муратова, 2011]).

Строго говоря, сложившиеся дискурсивные практики часто затрудняют непредвзятый и рациональный анализ региональной общественно-политической ситуации. Задавая алармистский вектор исследований, они одновременно не дают увидеть реальные параметры существующих явлений, создающих проблемное поле. Скорее всего, с этим связано и недостаточное понимание обострения (примерно с 2008 г.) “черкесского вопроса”, как бы органично вписавшегося в контекст нынешних северокавказских угроз, вызовов и их последствий. С точки зрения силовых ведомств, отвечающих за безопасность государства, такое видение проблемы уместно. Но с научной и гражданской точек зрения важнее понять как исторические корни подобных явлений, так и причины их вроде бы неожиданной актуализации. Задача данной статьи – показать, как политизация этничности превращает социально значимый вопрос в конфликтную ситуацию.

Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Кабардино-Балкарского государственного университета (Нальчик).

Черкесы и Черкесия (историческая ретроспекция)

Поскольку российский читатель вряд ли имеет четкое представление о предмете данного исследования, целесообразно дать хотя бы в самых общих чертах предысторию проблемы. Сам термин “черкесы” употреблялся и употребляется в России, Европе и Турции в двояком смысле. Расширительно он обозначает северокавказских (без Дагестана) горцев вообще. В узком смысле – один из народов Северного Кавказа, чей эндоэтноним *адыге*. Таково первоначальное, основное и более устойчивое значение упомянутого термина¹. В настоящее время черкесы составляют титульное население трех республик Северного Кавказа и в официальном обиходе имеют различную номинацию: в Республике Адыгея – адыгейцы, в Кабардино-Балкарской Республике – кабардинцы, в Карачаево-Черкесской Республике – собственно черкесы. Тем не менее единое самоназвание – адыге – сохраняется, а общая самоидентификация на протяжении последних десятилетий упрочивается.

Сами черкесы воспринимают в качестве отличительной черты собственного национального существования то, что значительная, по всеобщему убеждению численно преобладающая часть черкесского этноса проживает за пределами исторической родины – в Турции, Иордании, Сирии, Германии и даже в США. Многими это “рассеяние” воспринимается как аномалия, которая хотя и обусловлена исторически, но может и должна быть как-то “исправлена”. В этом усматривается суть “черкесского вопроса”.

В течение последних лет этот “вопрос” неизменно присутствует в региональном, российском и международном информационном пространстве, став предметом активного обсуждения в историко-политической публицистике и аналитике. Особую остроту он приобрел в связи с выдвижением требований к Российской Федерации об официальном признании геноцида, совершенного Российской империей по отношению к черкесам в ходе Кавказской войны, и призывами к бойкоту Олимпиады 2014 г. в Сочи [Матвеев, 2011; Боров, 2012; Рябцев, 2012].

С одной стороны, в публицистике современная трактовка понятия “черкесский вопрос” прямо отождествляется с “трагическими проблемами черкесского народа”, которые носят исторически заданный объективный характер. Они восходят к Кавказской войне и с тех пор так и остались неразрешенными. Их суть в том, что “Страна адыгов – Черкесия – исчезла с карты мира, а черкесский народ подвергся геноциду со стороны Российского государства и был изгнан с исторической Родины, потеряв население и большую часть территории”. Соответственно, под “справедливым решением черкесского вопроса понимается реализация гарантированного международным правом естественного права адыгов жить на своей земле единой нацией” [Кеш, 2011; Темиров, 2011].

С другой стороны, отдельные аспекты рассматриваемого “вопроса”, особенно тема геноцида, в связи с сочинской Олимпиадой рассматриваются как антироссийский политический проект радикального крыла черкесских национальных организаций и внешних сил, враждебных России, проект, не имеющий под собой объективных исторических оснований [Зимние... 2011]. Указывается также, что хотя термин “черкесский вопрос” стал получать большое распространение и обрел, таким образом, некую легитимность, на самом деле подавляющая часть адыгейцев, кабардинцев и черкесов не рассматривают в качестве «самого актуального для их жизни требования признания геноцида адыгов, переселения на российский Кавказ иностранцев кавказского происхождения... Актуальным содержание “черкесского вопроса” является преимуществен-

¹ Соответственно, Черкесией принято называть историческую область, заселенную черкесами. В XVIII в. она охватывала территории Северо-Западного и Центрального Кавказа от устья Кубани до района современного Сочи по побережью Черного моря; левобережную часть бассейна реки Кубань; предгорную и равнинную часть бассейна Терека до впадения в нее Сунжи. Черкесия не имела политического единства, отдельные субэтнические группы и этнополитические единицы в ее составе выступали самостоятельно в отношениях между собой и с внешними силами. До конца XVIII в. наиболее развитой в социальном отношении, политически активной и влиятельной частью черкесского мира была Кабарда – феодальное княжество в восточной Черкесии.

но для этнических антрепренеров, активистов и этноидеологов, концентрирующихся в основном в этнических организациях или вокруг них» [Цветков].

Так существует ли “черкесский вопрос” объективно? О “вопросе” в общественно-политической жизни принято говорить в тех случаях, когда статус (положение, ситуация) некоего объекта или субъекта отношений является в данной их системе формально неопределенным, неустойчивым и/или спорным. Помимо объекта или субъекта, составляющего собственно его предмет, в эту систему отношений вовлечено, как правило, еще несколько участников. Неопределенность/неустойчивость ситуации составляют необходимое, но недостаточное условие возникновения того или иного “вопроса”. Если *status quo* никем не оспаривается, “вопроса” нет. Он превращается в реальность, когда кто-нибудь из акторов “ставит” его, вводя в политическое пространство. Там он остается до тех пор, пока для каждого из участников одностороннее его решение в своих интересах оказывается либо невозможно, либо сопряжено со значительными издержками и риском, либо пока не будет найдено согласованное решение, удовлетворяющее основных участников процесса.

С использованием предложенных критериев понятие “черкесский вопрос” в самой общей форме может применяться для обозначения исторических ситуаций, в которых наличный политический статус Черкесии и/или черкесов оспаривается и становится предметом взаимодействия (дискуссии, конфликта, сотрудничества) по меньшей мере двух политических акторов, независимо от того, используется ли при этом соответствующий термин. При таком подходе “черкесский вопрос” получает представление не как обсуждаемый предмет сам по себе, а как ситуация его обсуждения. И в этом качестве он существует вполне объективно и возникает в истории не впервые.

Если говорить не в терминологическом, а в содержательно-политическом плане, “черкесский вопрос” возникает в середине XVI в. как вопрос о международно-политическом статусе тех или иных черкесских территориально-политических образований в системе отношений России, Османской Турции и ее вассала – Крымского ханства. Конфликты основных субъектов данной системы отношений и ее эволюция в конечном счете и привели к результатам, которые лежат в основе дискуссий по современному “черкесскому вопросу.”

Кабарда оказывается в фокусе дипломатического противоборства и военно-политической активности держав с 1560-х гг. Кабардинский, условно говоря, “вопрос” вычленяется из общеадыгского контекста, приобретает самостоятельное значение, но одновременно остается частью более широкого контекста кавказских проблем. Международно-правовое оформление, а затем и решение “кабардинского вопроса” приходятся на XVIII в. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г., фиксируя отказ Турции от вмешательства в определение статуса Большой и Малой Кабарды, фактически признал их принадлежность России.

Это, однако, не снимало для России проблему установления надежного контроля и имперского судебно-административного порядка на территории Кабарды. Потребовалось еще полвека, чтобы с использованием методов военно-политического давления, карательных экспедиций и экономической блокады решить эту проблему. Характерно, что завершающий этап данного процесса в первой четверти XIX в. сопровождался подлинной демографической катастрофой. Вследствие происшедшего с начала XIX в. переселения кабардинцев за Кубань, многочисленных карательных экспедиций и опустошительной эпидемии чумы население Кабарды сократилось в разы.

С начала XIX в. Российская империя приступает к присоединению Закавказья, что обостряет противоречия с Турцией, в том числе и на Северо-Западном Кавказе. С точки зрения российских правящих кругов по Адрианопольскому договору 1829 г. они обрели международно-правовое основание для установления своего суверенитета над закубанскими черкесами. Но в действительности это привело только к смещению фокуса черкесского вопроса с Кабарды на Западную Черкесию. Черкесы не желали признавать над собой власти российского императора и вступили на путь вооруженного сопротивления. Англия не признавала правомочности условий Адрианопольского

договора и открыто настаивала на независимости Черкесии, Турция негласно поощряла черкесское сопротивление.

В результате “черкесский вопрос” стал одним из элементов “восточного вопроса” в международной политике второй трети XIX в. При этом он, как ранее конфликтная ситуация вокруг Кабарды, не имел общеадыгского масштаба. Его объем определялся не этническими, а геополитическими факторами, а динамика зависела от соотношения сил держав и эффективности черкесского сопротивления. Несмотря на поражение России в Крымской войне, попытки Англии на Парижском конгрессе 1856 г. включить решение “черкесского вопроса” в общее дипломатическое урегулирование оказались безуспешными. Тем самым в международно-политическом плане он был снят с повестки дня, поскольку никто, кроме самих черкесов, не оспаривал теперь условия Адрианопольского мира. Но вновь, как и в случае с Кабардой после 1774 г., России еще предстояло военной силой утверждать свое господство в Черкесии. Завершение Кавказской войны, сопровождаемое масштабной этнической чисткой и массовым изгнанием черкесского населения Северо-Западного Кавказа, подвело черту под “черкесским вопросом” в его первоначальной форме [Панеш, 2007].

Таким образом, для ранней фазы указанного “вопроса” – оспариваемого статуса черкесов – характерно было то, что он инициировался внешними силами. Поскольку при этом преследовались геополитические цели, то “черкесский вопрос” практически никогда не определялся в этнических терминах и не привязывался ко всей исторической области Кавказа, населенной адыгами, – Черкесии как к целостной территориально-политической единице. Предметом противоборства держав оказывались либо более широкие (Кавказ, Северный Кавказ), либо более узкие (Кабарда, Западная Черкесия) политико-географические и этнополитические единицы.

Историческая ситуация, в которой оказались адыги после завершения Кавказской войны, демонстрирует, что актуализация того или иного “вопроса” определяется не только и не столько тяжестью положения соответствующего субъекта, сколько его способностью активно добиваться изменения своей судьбы. Или же наличием иных сил, заинтересованных в открытой постановке данного вопроса и располагающих необходимыми для этого средствами влияния.

Черкесы в Российской и Османской империях не имели реальных сил и возможностей для активной и массовой борьбы за свои интересы, и их политическое национальное движение ни в той, ни в другой империи не развернулось. Теоретически “черкесский вопрос” мог актуализироваться в ситуации острого международного конфликта (войны), в который оказались бы вовлечены эти страны, либо в ситуации глубокого внутреннего кризиса, революции, государственного распада. Совпадение такого рода внешних и внутренних факторов имело место в период Первой мировой войны и в России, и в Турции. Они создали для “черкесского мира” ситуацию неустойчивости и неопределенности. В этом смысле возникла объективная политическая почва для новой постановки соответствующего “вопроса”. Содержание, форма и результаты его актуализации отражали как наследие истории, так и реалии первой четверти XX в.

Перед необходимостью этнополитического самоопределения в той или иной мере и форме оказались все группы черкесского населения на территориях бывшей Российской и бывшей Османской империй. Но возможности выработки единой общечеркесской программы решения проблемы были весьма ограничены. Этому препятствовали различия в положении отдельных ареалов “черкесского мира” и недостаточная интенсивность информационного обмена, социальных связей и личных контактов. В результате черкесский фактор в этнополитических процессах на Северном Кавказе не получил четкого целостного выражения. Он либо растворялся в “горском интегриме”, либо фрагментарно реализовался в локальных комплексах межэтнических отношений в процессе становления советских автономий. Данный фактор в Османской империи интегрировался в геополитические проекты ее правящих кругов относительно всего Кавказа или, по крайней мере, северной его части. Он ассоциировался с тамошними диаспорами в целом, но преобладание среди них групп западнокавказского абхазо-

адыгского круга не подвергается сомнению. Отсюда и исходили идеи некоего общего решения “черкесского вопроса”, и именно поэтому в соотношении его элементов произошли кардинальные изменения.

На исходе Кавказской войны ядро “черкесского вопроса” сводилось к фиксации территориально-политического статуса Западной Черкесии. Этносоциальные и этнодемографические последствия, а именно – очищение Северо-Западного Кавказа от черкесского населения – вытекали из геополитических целей и военных соображений. Ситуация начала XX столетия демонстрирует обратное соотношение территориально-политических и гуманитарных (социально-демографических) аспектов “черкесского вопроса”. Теперь он подразумевает определение статуса групп северокавказского (черкесского) населения, не укоренившегося окончательно в Османской империи.

Три момента представляются здесь наиболее существенными. Во-первых, черкесская тема формулировалась представителями интеллектуальных, элитных слоев диаспоры и не сводилась к подкреплению военно-политических целей Турции. Она отражала реальный исторический опыт и их собственные представления и стремления. Выступление представителя черкесов И. Беданока на третьей конференции “Союза национальностей”, состоявшейся в Лозанне 27–29 июня 1916 г., воплотило в себе то, что можно было бы назвать феноменологией “черкесского вопроса”. Им были затронуты темы, формирующие неустраимую внутреннюю структуру, концептуальное пространство, в котором движется всякий дискурс черкесских тем, и сегодня оказывающихся на слуху при обсуждении истории российско-кавказских отношений. Это – завоевание Кавказа Россией, жестокость методов ведения войны, изгнание и рассеяние черкесов, ассимиляция и угроза полной утраты ими своей самобытности [Российский...].

В реальной политической практике того времени изменение положения дел в “черкесском мире” зависело в решающей степени не от самих черкесов, а от меры соответствия их интересов, запросов и стремлений (гео)политическим интересам держав. Но в социальном и политическом дискурсе, в публичном проговаривании черкесских проблем этноисторический контекст уже не растворяется в геополитическом контексте противоборства империй, а приобретает самостоятельное звучание.

Во-вторых, отправным пунктом в постановке “черкесского вопроса” образца первой четверти XX в. неизбежно оказывалась оценка ключевого исторического события – завоевания Кавказа Россией и утраты большей частью адыгов своей родины. Но здесь обнаруживаются расхождения в историческом опыте различных их групп. Поскольку для зарубежной черкесской диаспоры реальные отношения и взаимодействие с российским обществом и государством прекратились с момента изгнания, их отношение к России главным образом формировалось собственно этим событием. Для оставшихся на Северном Кавказе социально-правовое, экономическое, культурное взаимодействие с российским обществом и государством продолжалось и после завоевания. Их отношение к России формировалось не только исторической памятью, но и ближайшим этносоциальным опытом и поиском будущего, поэтому они не ставили на повестку дня “черкесский вопрос” в какой бы то ни было форме [Kosok, 1955, p. 45].

В-третьих, для групп черкесской интеллигенции в России и Османской империи, наряду с последствиями Кавказской войны, еще одним источником неудовлетворенности положением своего народа было осознание его относительной социальной и культурной отсталости по сравнению с Европой и наиболее развитыми сегментами российского и турецкого обществ. Стремление к изменению такого положения связывалось не с возвращением к традиционным общественным устоям, а с включением черкесов в процессы современного развития.

В целом при взгляде на период войн, революций, распада империй 1914–1923 гг. бросается в глаза, что на фоне открывшихся политических возможностей “черкесский вопрос” не получил четко выраженного и результативного политического развития (см. [Исторический... 2006]). Но обнаружилась его сложная феноменология, отражающая и наследие истории, и новую социально-политическую структуру самого “чер-

керского мира”, и наличие альтернативных путей развития государств, где проживают черкесы, прежде всего России и Турции. “Черкесский вопрос” периода Первой мировой войны и вызванных ею революционных потрясений оформился как дискурсивная формация, как зародышевая форма современной его ипостаси.

Современное звучание “черкесского вопроса”

Условным рубежом, с которого фиксируется новый виток актуализации данной проблемы, можно считать середину 1980-х гг., когда наметился глубокий поворот в условиях существования черкесов в СССР и в Турецкой республике, связанный с либерализацией и демократизацией общественно-политической жизни этих стран [Ozgur, 2011, p. 82]. Исходные стимулы этнонациональной мобилизации в городской среде черкесских интеллектуалов были заданы осознанием далеко зашедших процессов ассимиляции и реальностью перспективы скорой и полной утраты этнокультурной идентичности и в диаспоре, и на родине.

Активизация черкесского национального движения в конце 1980-х гг. развивается практически параллельно в России и за ее пределами. Одним из мотивов его быстрого развития была вера в возможность восстановления черкесского единства первоначально в рамках международной организации, символизирующей перспективу реального воссоединения черкесов на родине. В мае 1991 г. в Нальчике прошел первый Всемирный адыгский конгресс. Здесь была учреждена Международная черкесская ассоциация (МЧА). В Уставе организации ее создание связывалось с целями “этнического самосохранения, самоопределения и развития” [Международная... 2011].

Другими словами, в конце XX в. “черкесский вопрос” впервые был поставлен как вопрос о консолидации и перспективах глобального адыго-черкесского сообщества в рамках национального движения, получившего международный характер. Сразу же обозначились и основные тематические блоки, составлявшие структуру проблемы, – противодействие процессам культурно-языковой ассимиляции черкесов в странах их проживания; признание Кавказской войны и геноцида черкесов со стороны Российской империи в качестве главного источника их современных проблем; всемерное содействие репатриации. Идея восстановления исторической Черкесии как целостной территориально-политической единицы официально в 1990-е гг. не выдвигалась сколь-нибудь влиятельными организациями, но использовалась их этнополитическими “конкурентами” для дискредитации черкесского национального движения в глазах российского руководства.

На протяжении 1990-х гг. активность этого движения не породила напряженности в отношениях с Российским государством, а “черкесский вопрос” не приобрел отчетливого и широкого общественного звучания ни внутри нашей страны, ни за рубежом. Но с 2000-х гг. намечается глубокий поворот в развитии факторов, определяющих его динамику. В деятельности высшего государственного руководства темы демократизации и федерализма сменяются темами обеспечения территориальной целостности, единого конституционно-правового порядка, укрепления вертикали власти. Иллюзии о совпадении вектора этнонациональных устремлений черкесского сообщества с общим направлением государственно-политической эволюции России теряют под собой почву.

И если в начале 1990-х гг. официальные властные структуры и национальные движения в “адыгских” республиках Северного Кавказа имели общую повестку дня и были сопоставимы по степени влияния на внутренние этнополитические процессы, то десятилетие спустя областей пересечения их задач и функций практически не осталось. Руководители республик сумели лишить черкесские национальные организации самостоятельности (Кабардино-Балкария), дистанцироваться от них (Адыгея) или игнорировать как маргинальную оппозицию (Карачаево-Черкесия). Вместе с тем к 2000-м гг. стало очевидно, что реального продвижения по основным аспектам “черкесского вопроса”, как они определялись международным черкесским движением, достигнуто не

было. Национальные организации “первого эшелона” не обладали идейным и организационным динамизмом, позволяющим компенсировать трудности и препятствия на пути решения “черкесского вопроса”. Короткая восходящая фаза их влияния и активности сменялась длительным застоём.

Но за это время в “черкесском мире” произошли глубокие социально-демографические и культурные сдвиги. В активную общественную жизнь вступили новые поколения, сформировавшиеся в городской среде, более образованные и мобильные, владеющие современными информационно-коммуникационными технологиями, способные создавать сетевые сообщества. Свобода выражения своих мыслей и позиций – естественное состояние для молодежи, а традиционалистские формы лояльности к государству или доминирующим национальным группам ей уже чужды. Существование в мультикультурной среде для нее вполне привычно, при этом национализм как способ подтверждения групповой идентичности и база политического действия столь же правомерен, как и любая другая идеология. Такие группы черкесской молодежи существуют в разных условиях – в России и на Ближнем Востоке, в Турции и Европе. Они во многом отличны друг от друга, но имеют и много общего, отражая существенные характеристики современного глобального мира. Новая “волна” черкесского национализма зародилась в этой среде в 2000-е гг. Ренессанс национального движения происходил на фоне относительного снижения значимости других этнополитических проблем на Северном Кавказе. В этих условиях обострение “черкесского вопроса” зависело, по сути, от стечения обстоятельств, наличия организованных сил, способных и готовых на них откликнуться, харизматических лидеров и т.п.

Существенные для актуализации “черкесского вопроса” новые обстоятельства могли возникнуть только в сфере текущей политической жизни, а действительную реакцию на них можно было ожидать от организаций, рассматривающих этот вопрос как вопрос политический. Понимание его как политической стратегии, направленной на достижение конечной цели и определяющей средства и алгоритм ее достижения, строилось на следующих идеологемах:

- ассимиляция, утрата языка и культуры черкесами, рассеянными по всему миру в результате Русско-Кавказской войны, грозят полным исчезновением черкесского этноса;

- решить эти проблемы невозможно без решения политического вопроса – возвращения изгнанных черкесов, воссоздания черкесского этноса на исторической родине;

- правовым механизмом реализации данной цели может стать признание Российской Федерацией факта геноцида, совершенного в отношении черкесского этноса в XIX–начале XX в. [Берзегов].

Одновременно сформировался контингент активистов, способных придать такой стратегии публичное звучание. За несколько лет возник целый ряд новых организаций практически во всех странах проживания черкесов. Для их деятельности характерно использование современных сетевых способов мобилизации и координации, осуществление публичных уличных акций, провозглашение своих целей в форме не обращений и просьб, а требований к властям, настойчивость в привлечении внимания международного сообщества и европейских институтов к проблемам черкесского народа.

Общий ход политического процесса дал черкесским радикалам поводы для осуществления различных акций. В ряде обзорных и аналитических публикаций достаточно подробно охарактеризованы факторы, способствовавшие дальнейшему обострению черкесского вопроса. Сперва это – попытка запустить процедуру реинтеграции Адыгеи в состав Краснодарского края с понижением ее статуса как субъекта Федерации (2005–2006 гг.). Затем – ненужное избегание российской стороной дискуссии о статусе черкесов как коренного народа Восточного Причерноморья в связи с решением МОК о проведении зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи (2007 г.). Наконец – активизация зарубежных акторов в публичной полемике вокруг “черкесской проблемы”, кульминацией чего стало официальное признание парламентом Грузии (2011 г.) геноцида черкесов со стороны Российской империи (см. подробнее [Маркедонов]).

В спорах по перечисленным позициям оформились структурные характеристики текущей “острой фазы” развития проблемы. Для молодых активистов стала очевидной безрезультатность прежних форм его активности: развернулась деятельность организаций нового поколения, представляющих черкесское национальное движение. В их подходе на первый план выдвинулся политический аспект, а в его фокусе оказалось требование признания геноцида черкесов. Так произошло вовлечение черкесских организаций зарубежной диаспоры в политические коллизии с Российским государством, а данная тема вошла в повестку дня международного научного сообщества, неправительственных организаций и европейских институтов. Вместе с тем ключевые элементы современного “черкесского вопроса” – отношение к проблеме единого “черкесского” субъекта Федерации на Северном Кавказе, этнополитические “коллизии” вокруг сочинской Олимпиады, вмешательство зарубежных политических сил – стали зримым фактором политического размежевания в международном черкесском движении. В основе его лежат различные подходы к выстраиванию отношений с современным Российским государством.

Политизированная этничность: открытые итоги

Итак, на рубеже XX–XXI вв. “черкесский вопрос” вновь стал реальностью политической жизни стран этого этноса, обретя некоторые характеристики международной проблемы. В современной, исторически третьей, фазе своего бытования он демонстрирует черты и преемственности, и качественный новизны по отношению к предшествующим формам.

Преемственность связана с тем, что статус черкесского сообщества в современном мире сохраняет структурную аналогию с начала XX в. – положением разделенного народа. Отсюда – устойчивость феноменов черкесского национального сознания: Кавказская война и изгнание как “начало”; рассеяние и этнический кризис как тяжелая реальность; воссоединение и возрождение как цель. Но в конце XX в. “вопрос” впервые был поставлен вполне самостоятельно самими черкесами, причем как глобальным этническим сообществом. В своих прежних исторических формах в зависимости от геополитических интересов держав он либо привязывался к различным фрагментам черкесского мира (Кабарда, Западная Черкесия), либо растворялся в более широких геополитических единицах (Кавказ, Северный Кавказ) и этнических конгломератах (горцы, черкесы как северокавказские диаспоры в целом).

В условиях современного глобализирующегося мира, интенсивных международных коммуникаций и открытости информационного пространства общечеркеская национальная программа была не просто сформулирована. Она, по сути, получила институционализацию в совокупности черкесских организаций, действующих по всему миру. Свыше двух десятилетий они присутствуют в международном культурном и политическом пространстве. Следует особо подчеркнуть, что в этом отражается не только внутренняя энергия черкесского национального движения, но и общие условия глобальной интеграции и демократизации. Если бы, скажем, в России и Турции в 2000-е гг. так же, как в начале 1920-х гг., сохранились авторитарные и, соответственно, идеократические или националистические режимы, свободные от идейно-политического влияния извне, то динамика черкесского национального движения была бы иной, и сам вопрос был бы уже “снят” с повестки дня.

Но опыт 2000-х гг. явственно обнаружил, что попытка перевести идеальные представления о конечных национальных целях в алгоритм политических действий, осуществляемых бескомпромиссно на основе представлений только о собственных правах и интересах, приводит к политическому размежеванию в самом черкесском национальном движении. Здесь сказывается противоречивость воздействия международно-политических факторов на развитие черкесского самосознания и мироощущения. С одной стороны, современный международный контекст несопоставим с ситуацией периода Первой мировой войны, когда “черкесский вопрос” инспирировался державами,

находящимися в состоянии войны с Россией, в своих военно-политических целях. Сегодня воздействие внешних факторов не сводится к интригам геополитических соперников. Практика использования западными державами демократических ценностей и гуманитарных мотивов в собственных интересах не дает оснований для отбрасывания этих ценностей и мотивов как несущественных или не имеющих отношения к “черкесскому вопросу”. Спецслужбы и так называемые “недружественные” политические силы за рубежом могут пытаться использовать в своих целях что угодно. Несмотря на это, деятельность черкесских активистов диаспоры в целом остается частью демократической гражданской активности в Турции, Европе, США.

С другой стороны, и геополитическое соперничество, и военно-политические конфликты остаются реальностью той международной среды, в которой существует современная черкесская проблема. Полностью изолировать формы ее политического бытования от их влияния невозможно. Вопрос же заключается в том, будет ли она превращена в средство решения собственных задач иными субъектами или сохранит самостоятельное содержание и станут решаться теми, для кого имеет жизненно важное значение. Есть только два коллективных субъекта отношений, для которых “черкесский вопрос” выражает или затрагивает их поистине жизненные интересы и его решение носит характер самостоятельной крупной задачи – это сами черкесы и Россия.

Основная проблема современной российско-черкесской “ситуации обсуждения” положения и перспектив черкесского сообщества заключается в том, что предмет его представляется сторонам как существующий в разных плоскостях. Для черкесских активистов и интеллектуалов их “вопрос” – это воплощение итогов и перспектив этноисторической эволюции адыгов. Это еще одна развилка траектории национального существования, которая ставит этнос перед альтернативой экзистенциального порядка: продолжение этнонационального бытия в институционализированных формах через самоорганизацию и признание со стороны государства или же этническая энтропия и растворение черкесской идентичности в хаосе большого мира.

Для российского государственного сознания “черкесский вопрос” – еще одно воплощение этнического национализма, несущего угрозу социально-политической стабильности, территориальной целостности и международным интересам России. Таким образом, современный “черкесский вопрос” представляет собой дуалистический по своей природе историко-политический феномен.

Перспективы тут, как в политическом, так и в более фундаментальном историческом смысле зависят от того, что возобладает в действиях сторон, жизненно заинтересованных в его разрешении. Это может быть поиск либо способов так или иначе “подавить” другой полюс аргументации, либо основы решения, которое в историческом плане было бы шире черкесской этноисторической перспективы, а в политическом плане – шире российской державной традиции.

Такая основа может быть найдена в сфере, определяющей общие для России и черкесского сообщества условия существования и перспективы развития – в сфере современных процессов глобализации, модернизации, демократизации. Это фундаментальные тенденции мирового развития, которые бросают вызовы и одновременно открывают возможности для всех социальных, национальных и политических субъектов, вовлеченных в систему отношений, обозначаемую сегодня как “черкесский вопрос”. И Россия, и современные черкесы должны искать способы достижения своих целей внутри глобального процесса перемен. Если их стратегии и тактика будут опираться на эти тенденции, то формы и последствия развития “черкесского вопроса” могут стать предсказуемыми и приемлемыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берзегов М.* Черкесский конгресс (<http://www.circassiangenocide.org/tree/44>).
Боров А.Х. “Черкесский вопрос” как историко-политический феномен // Научные доклады Центра социально-политических исследований КБНЦ РАН (№ 1). Нальчик, 2012.

Боров А.Х., Муратова Е.Г. Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность. 2011. № 4.

Зимние Олимпийские игры 2014 в Сочи в фокусе информационных атак. Сборник научных статей. М.–Ростов-н/Д., 2011.

Исторический очерк о горских народах Кавказа в период мировой войны. Нальчик, 2006.

Кеш Р. Что такое “черкесский вопрос”? (http://virt-circassia.ucoz.com/news/chto_takoe_cherkesskij_vopros/2011-02-11-1142).

Маркедонов С.М. Черкесский вопрос между Россией и Грузией // Россия в глобальной политике (<http://globalaffairs.ru/mim-ber/S-istoriei-napereves-15288>).

Матвеев В.А. “Черкесский вопрос”: современные интерпретации и реалии эпохи // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2011. Вып. 226.

Международная черкесская ассоциация (1991–2011). Сборник документов и материалов. Нальчик, 2011.

Панеш А.А. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в XIX в. (до 1864 г.). Майкоп, 2007.

Российский геноцид народов Северного Кавказа в документах кавказского национально-освободительного движения в годы Первой мировой войны (1914–1918). (<http://kavkasia.net/Russia/article/1286946125.php>).

Рябцев В.Н. Черкесский вопрос, Олимпиада-2014 и политика Грузии на Кавказе. Ростов-н/Д.–Пятигорск, 2012.

Темиров У. Черкесский вопрос в России // Звезда. 2011. № 7 (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/7/te17.html>).

Цветков О. “Черкесский вопрос”: этноидеологические вызовы гражданскому единству (<http://www.kavkazoved.info/news/2012/02/06/cherkesskij-vopros-etnoideologicheskie-vyzovy-edinstvu-i.html>).

Kosok P. Revolution and Sovietization in the North Caucasus // Caucasian Review. 1955. № 1.

Ozgur E. The North Caucasian and Abkhazian Diasporas; Their Lobbying Activities in Turkey // Caucasus Studies: Migration. Society and Language. Papers from the Conference, November 28–30, 2008. Malmö, 2011.

© А. Боров, 2014